

Л.М.Баскин

*доктор биологических наук,
главный научный сотрудник*

Института проблем экологии и эволюции им. А.Н.Северцова РАН

Лесные дали Костромы

Идея Костромской биостанции, где можно было бы проводить экспериментальные исследования в условиях, приближенных к естественным, зародилась в 1974 году во время Первого Международного териологического конгресса. Тогда стало вполне очевидным, какие замечательные результаты дает использование современных методов и как недостаточно делается в этом направлении в нашей стране. Другая забота была - найти более эффективные методы управления популяциями животных, как теперь принято говорить, их устойчивого использования.

Костромская госохотинспекция (Алексей Егорович Богатырев), узнав что Академия ищет место для научной станции, пригласила в Костромскую область. Нам предложили на выбор несколько участков. Я отправился знакомиться с ними. Так, глухой ночью в феврале 1977 года я оказался в Мантурово. Сидеть на вокзале не хотелось и я отправился искать районного охотоведа. В городе было абсолютно темно. Подсвечивая спичками, я лазил по снегу у домов, стараясь рассмотреть номера. Медленно-медленно, совершенно не зная городка, я все же добрался до нужного дома, переполошил хозяев. На рассвете вместе с охотоведом Игорем Георгиевичем Смирновым мы уже были в тайге, встали на лыжи, сделали несколько заходов с дороги в лес. Как раз шел гон рысей, нам попались следы двух котов, следовавших неотрывно за кошкой. Несколько раз с ошеломляющим грохотом поднимались в густом сосняке глухари. Наткнулись на огромную лосиху, укромно жившую с лосенком на крошечном участке соснового недоруба.

Через несколько лет одна зоолингвистка сказала мне: "Бог руководил вами, когда вы выбирали место для станции". Нет, это был не случайный, не по божеской наводке выбор, тайга по Унже и Шарье давно известна натуралистам. После войны здесь располагался стационар Института леса Академии наук, до войны, в соседней Шарье десять лет работал А.Н. Формозов. Перед этим я обследовал возможные участки под станцию на Кавказе, Урале, в Подмосковье, под Кадыем в той же Костромской области. Но Мантурово - место уникальное. Здесь сошлись флоры и фауны Сибири и Европы, севера и юга. Здесь бурундук соседствует с удоном, а пихта с липой, здесь орхидеи - самый обычный цветок, а когда я привозил новогоднюю елку в Москву, жена не таила разочарования, такой прозрачной, субтильной была таежная красавица, ведь это была уже сибирская ель, хоть и расположена Костромская станция всего лишь в 600 км на северо-восток от Москвы.

На майские праздники директор нашего Института проблем экологии и эволюции АН СССР Владимир Евгеньевич Соколов, А.Е. Богатырев, Алексей Алексеевич Данилкин, И.Г.Смирнов приехали “застолбить” выбор. Конечно, ночуя у костра, мы много говорили о преимуществах этого места. У всех нас было ощущение праздника, даже выпили немного за успех дела. Мы понимали, что в этом крае зоологу есть к чему приложить ум и сердце. Алексей Данилкин спросил, не распугает ли костер глухарей, ведь мы устроились прямо на току. Охотоведы заверили, что птица костра не боится. Глухариный ток располагался на свежей вырубке. Теперь, через двадцать лет редкие оставленные лесорубами сосенки стали уже высокими деревьями и возвышаются над ровной щеткой молодого сосняка. И все эти годы птицы не покинули родного им места. Два года назад (в 1977 году) на этом току был голландский посол с сыном. В их родовом замке висит чучело глухаря, их далекий предок убил эту птицу, глухарь изображен на родовом гербе. Голландские гости, конечно, приехали не для охоты, только послушать, увидеть диковинную птицу.

Перед тем как идти на ток мы устроили тренировку, учили гостей подсакивать к петуху под песню. Теперешний заведующий станцией Н.Н. Львов умело имитировал глухариное щелканье и скирканье, а гости увлеченно овладевали этим искусством. А тогда в 1977-м академик Соколов вышагивал по болотистому лесу, стараясь подойти, не спугнув птицу. Задача была непростой. На току клохтали сразу несколько глухар, одна из них устроилась на тонкой сосенке прямо надо мной, у костра. Как тут подойти к петуху, когда самки начинают беспокоиться, едва кто пошевелиться?

В течение лета состоялись решения Академии наук и Костромского облисполкома о создании станции, мы побывали в обкоме КПСС. После визита к первому секретарю обкома Юрию Николаевичу Баландину хорошо знавший его А.Е. Богатырев сказал мне на ухо: “Беда, Баландину Соколов не понравился”. Тогда это имело большое значение, кто кому нравится. Владимир Евгеньевич вел себя в обкоме чуточку более уверенно, чем бы хотелось “костромским медведям”. Помнится, он поправил чуть косо висевший портрет на стене в кабинете Баландина, благо рост позволял это сделать. Но странное дело, предчувствия не оправдались. Баландин был нам надежной опорой в создании станции. Бывало, не ладилось со строительством, я звонил ему: ”Юрий Николаевич, не получается”. Потом сидел у него в кабинете, он поднимал трубку, вызывал очередного большого начальника. “Напрасно мы тебя на это место посадили, я вот подумаю!”. И дело вновь двигалось. Кто-то упрекнет меня, жалобщиком мол был. Но ведь наука была и есть очень нежный стебелек, особенно наша зоология. Без подпорки наука зачахнет. В капиталистических странах (не знаю, к каким теперь относится Россия) охота - большой бизнес, тем более много денег тратится на охрану природы, зоологии есть от чего подпитываться. А у нас она была и остается делом

энтузиастов. Помогали нам костромичи - жила и живет станция, спасибо и секретарям обкома, и охотоведам, и даже браконьерам. Один знаменитый браконьер, державший одних только зверовых лаек 8 штук (В. Лесников), говорил мне: “Мироныч, ты не думай, я у вас не охочусь, пусть наука не обижается”.

1977 год - время запомнившееся узнаванием новых мест. Мы проникали в удаленные уголки, на берега глухих таежных речек, с восторгом рассказывали о встреченных зверях и птицах. Потом это уже стало привычным: ”Сидели у балка и прямо к нам вышел медведь. Бросились за ним с линейкой в руках, чтобы измерить размер следа, узнать который из известных наперечет зверей к нам пожаловал”,- такие рассказы обычны среди тех уже сотен сотрудников и студентов, для кого Костромская станция стала привычным местом работы или экскурсий. Но в то первое лето все было внове.

В конце августа сразу большая компания сотрудников института и гостей, включая В.Е. Соколова, Виктора Николаевича Орлова, Наташи Соколовой, сидели на лабазах, ожидая медведей. Дни стояли теплые, сухие, солнечные. Большое поле, в центре которого раньше располагалась деревня Долгири, было сплошь засеяно овсом. В те дни оно стало огромной звериной столовой. Прямо перед моим лабазом кормилась пара зайцев, вели они себя беспечно, редко-редко приподнимались на задние ноги, чтобы осмотреться. Я загляделся на зайцев и как-то внезапно осознал, что на их месте вдруг оказалась огромная рысь. Кот смотрел на меня не мигая, прекрасный был зверь. Мы сидели неподвижно очень долго, я чувствовал непреодолимое желание пошевелиться, складки на телогрейке, постеленной поверх березовых жердей, впивались мне в задницу. Наконец-то кот ушел, я перевел дух, покрутился. Потянулись еще два нескончаемых часа, донимали комары, но надо было по возможности сохранять неподвижность. Уже совсем в сумерках так же неожиданно для меня на овсах появился небольшой медведь. Впрочем я видел его плоховато. В полной темноте засветился вдалеке фонарик, Владимир Евгеньевич наконец-то давал сигнал собираться в центре поля. Он всегда оказывался самым терпеливым из нас. По мокрому от росы полю мы сошлись в центре, у огромной старой липы на месте бывшей деревни, вполголоса рассказывали кто чего видел. Главные события разворачивались на той стороне где сидел Соколов. Там паслась медведица с двумя медвежатами, потом ее спугнул очень крупный медведь. Матери бояться за своих малышей, тотчас покидают поле, если появляется крупный самец.

На другой день и я увидел эту медведицу, она вышла на кормежку еще до нашего прихода, нам пришлось довольно долго ждать пока она причует опасность и уберется с поля вместе с малышами. Сиденье было безрезультатным почти до темноты, когда в стороне где сидел Соколов грохнул раскатистый выстрел. Снова настала тишина, никто не трогался с

места. Наконец, шеф стал сигналить фонариком. Мы слезли с лабазов, подошли к нему. У ног охотника лежал огромный кабан. Довольный Соколов объяснял сколько выдержки ему потребовалось, чтобы не поторопиться с выстрелом, кабан был виден плохо в высоком овсе, нужно было выждать пока он приблизится или уйдет прочь. Но зверь оплошал.

Николай Владиславович Дылис был зачинщиком компании по сохранению Кологривского леса. Он привлек Александра Яковлевича Орлова, Александра Васильевича Письмерова, на мою долю легли организационные хлопоты, Соколов действовал на верхних эшелонах власти. Лесорубы проложили узкоколейку, рубили, торопясь, боялись, что не успеют все взять, уже прослышали про нашу активность. Я как-то попенял директору леспромхоза, он побагровев ответил: “Мне поручили рубить, я рублю, поручат охранять, буду охранять”. Так тогда поступали почти все: как прикажут.

Конечно, прежде всего было интересно взглянуть на уникальный, сохранившейся с времен чуть ли не Ивана Грозного лес. Мы добирались до Кологривского леса на “ГАЗ-66”, всем известно как прыгуча эта машина. Когда вернулись на базу станцию, в мою избушку, Владимиру Евгеньевичу было совсем плохо, вернувшись в Москву он попал в больницу, качка потревожила почки. Но покамест мы ходили по зачарованному лесу, где ни птичьего писка, ни звериного следа. Только могучие ели, липы, клены, да кислица, плаун и папоротник под ними. Нужен пожар или человек с топором, чтобы полезла сорная растительность, малина, березка, начали гнить стволы, стало в досталь корма зверям и птице. А в первобытном лесу, в какой триста лет назад пришли русские переселенцы, было тихо, голодно. Разве что рухнет уставший от жизни великан, через год-два поселятся на его стволе молодые елочки, возникнет малый круг сукцессии, а иначе стоит лес неизменным, пример вечного двигателя.

Усилия были затрачены большие, Дылис и другие лесоводы, используя Соколова как главноуправляющего, прошли все инстанции, ответственные за остановку вырубki леса, но успех не приходил. “Попробуйте связать меня с Баландиным”, - сказал мне Соколов. После звонка Баландин пошел к Николаю Александровичу Тихонову, тогда председателю Совета Министров. Это все решило, мнение первого секретаря обкома не могли перевесить даже кубометры кологривских бревен. Так остался жить “Кологривский лес” - маленький кусочек (всего 912 га) некогда бескрайних девственных лесов.

Для сотрудников станции, под служебные помещения мы купили десятка полтора пустовавших деревенских изб. Сам я жил в избушке на краю деревни Ледины, там останавливался и Соколов. Плотная там случалась упаковка. На самодельных полатях мы в женой, на двух раскладушках Соколов с женой Светланой Михайловной или Наташей, остальные, кто приехал, на полу, или в кузове машины. Не теснота огорчала, а наша

беспомощность в деле развития станции. Конечно, уже мы осуществляли регулярные учеты численности, и экология многих видов зверей и птиц стала лучше известна, уже Нина Павловна Кривошеина провела большой цикл изучения разрушителей древесины, а университетские почвоведы начали свои большие работы. Исследователи загрязнения биосферы уже приняли территорию станции как стандарт чистоты: из-за своеобразия атмосферных процессов и направления ветров сюда не доносит загрязненных осадков ни от Череповца, ни от Нижнего Новгорода. Уже я настолько знал окрестности, что руками показывал пилоту вертолета куда рулить, где мне надо проверить, стоит ли как обычно в своем сосновом недорубе знакомая старая лосиха, или поднялись ли на Инзовке из берлог медведи. В конце марта - не позднее четвертого апреля обтаивает вокруг них снег, зверь откидывает елочку, которой накрылся в октябре как зонтиком и отправляется искать, где он оставил осенью часть туши лося. В рыхлом снегу медведь пропахивает борозду, отлично видимую сверху, прекрасная возможность для поиска берлоги и ее описания.

Мы узнали к 1980 году очень многое, но удовлетворения не было. Мы хотели иметь большую вольеру, где звери вели бы себя так же как в природе, но были доступны для наблюдения. Владимир Евгеньевич провел меня в здание, где заседал Президиум АН, велел ждать. Вот стали появляться академики, Соколов же караулил нашу “жертву”, следовал по пятам за В.П. Исаевым, заместителем Президента академии по строительству. Я вовремя подошел, Соколов меня представил и попросил выслушать. С той встречи началась работа над проектом экспериментального центра. Потом с помощью Ю.Н. Баландина нашелся подрядчик, с помощью вице-президента Академии Наук Евгения Павловича Велихова министерство включило нас в план строительства, десятки и десятки людей шли нам навстречу, помогали. Признаюсь, я во всех кабинетах “пел” свою песенку про хрупкий росток науки, который надо поддержать, расцвечивал рассказ то ссылками на важные идеи, то на опыт “заграницы”, раскладывал фотографии “как это сделано у них”, охотно рассказывал про чудесный костромской край и его обитателей. И к 1986 году на Костромской станции стал функционировать экспериментальный центр: лаборатории, вольеры, линия электропередачи, дорога, и стали жить лоси, зубры, кабаны и другое зверье.

Самое время вспомнить следующий, горький для меня 1987 год. Мои молодые сотрудники, каждого из которых я приглашал работать на станции, которым помогал чем мог, взбунтовались, потребовали моего отстранения. Каких-либо постыдных обвинений не было и быть не могло, говорили о недостаточных успехах (“что ж, делал что мог”) и о грубости (“Леонид Миронович побагровеет, грохнет кулаком по столу, делать, что я приказал...”).

Владимир Евгеньевич Соколов обладал удивительным даром “работы” с людьми. Выдержка, уважительность и способность за любыми словами и действиями разглядеть живой интерес - думается эти качества в числе других позволяли ему решать сложнейшие человеческие столкновения. В случае с Костромской биостанцией он вполне понимал истоки недовольства: сверх примитивная, очень суровая жизнь в деревенских избах, необходимость отбывать повинность в колхозе (убирать картошку, собирать сено и т.п.). Очевидна была и готовность молодых ребят в пылу борьбы с опротивевшим “завом” поступиться любыми принципами (чего стоило, например, письменное заявление в партбюро, что “Баскин препятствует проведению общественно-политической работы на станции”). Но было также очевидно, что нет в Институте другого сотрудника, столь же готового бороться за существование и развитие станции.

Владимир Евгеньевич сумел, как и во многих других случаях, дать всем сотрудникам высказаться, всем эмоциям утихнуть. Впрочем, у меня ни мудрости, ни желания мудрецом стать не нашлось. Я заявил, что ни с кем из бывших “своих” работать не буду. Передал жалобщиков в другие лаборатории. Те события сохранили во мне и добрую память о молодых людях, кто сумел вопреки нажиму молодых коллег встать и сказать о своей особой позиции, о поддержке заведующего (П.К. Еремин, В.А. Зайцев и другие). Да и жалобщики в большинстве остались работать на станции, защитили диссертации. Любопытно, что некоторые из них, эмигрировав за границу, продолжают приезжать и работать. Чем-то влечет эта суровая земля.

Сейчас, в 2002 году Костромская станция продолжает работать, несмотря на все беды и трудности последних лет. Странные задачи встали перед нами. С 1977 по 1991 мы изучали как восстанавливается природа, если ее охранять. С приходом “демократии” у Института отняли право ограничивать охоту на станции. За 5-6 лет лосей, медведей и глухарей перестреляли под лозунгом народовластия. А у нас, зоологов появилась новая задача - проследить процесс разрушения природы, способности видов противостоять вымиранию. Опять, как двадцать лет назад я отыскиваю лосих, спрятавшихся в укромном уголке леса, не дающих следа и потому незамеченных охотниками, снова изучаем рефугиумы, т.е. убежища, где глухая тайга помогает выжить медведям. С 1991 года, когда лесные просторы вновь стали почти безжизненными, тематика охраны природы стала актуальной. Теперь мы работаем над проектом создания заповедника, куда бы вошли и “Кологривский лес”, и другие интересные урочища. Между прочим, большую поддержку оказывает голландский и бельгийский послы, и им полюбились Костромские дали.

А самое удивительное, те самые главы районных администраций, что недавно во имя народовластия отняли у станции охотугодья, теперь оказывают неоценимую поддержку

созданию заповедника. Тут самое время вспомнить глав Мантуровского района, с которыми я встречался за 25 лет существования станции. Сначала это был Юрий Павлович Семенов, потом Сергей Иванович Желтов, потом Леонид Михайлович Мартынов, уже многие годы Александр Николаевич Громов. Уж наверняка они наизусть знали (знают) мою песенку о «слабом ростке науки», а все же поддаются, всегда помогают.